СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Иваницкий Валерий Людвигович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ivanitsk@mail.ru

ЖУРНАЛИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ: НА ПУТИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

В статье дается анализ состояния современной экономической теории, ее тенденций развития, обзор проблемных вопросов в связи с целями и задачами журналистики.

Ключевые слова: *теория экономики, журналистика, ортодоксия и гетеродоксия в экономической теории, «твердое ядро» экономической теории, экономическая политика.*

Valeriy L. Ivanitskiy, Philol. Sc. doctor, Professor, Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ivanitsk@mail.ru

JOURNALISM AND ECONOMIC SCIENCE IN XXI CENTURY: ON THE ROAD TO MUTUAL UNDERSTANDING

The article analyses the current state of economic theory and its development trends. The author reviews problematic issues of coverage of economy in mass media.

Key words: *theory of economics, journalism, the orthodoxy and the heterodoxy in theory of economics, the core of economic theory, economic policy.*

Введение

Экономическая наука, и не только российская, вошла в XXI в. в состоянии кризиса. В трактовке академика В. М. Полтеровича, кризисным является то состояние теории, при котором сформулированные ею основные задачи не могут быть решены принятыми в ней же методами; когда в ней происходит накопление фактов, свидетельствующих о принципиальной ограниченности методов теории. Эта формулировка кризиса экономической теории может быть дополнена многими остроумными и саркастическими замечаниями М. Блауга (Blaug, 1997: 3), мягкими интеллигентными фразами У. Баумоля (Баумоль, 2001), суть общей оценки от этого

не изменится – экономическая теория чувствует себя в XXI в. неважно. Подобное состояние науки, активно формирующей экономическую политику государства, как минимум, не может не привлекать к себе внимания общества, которое давно и однозначно настроено к экономистам достаточно критически. Сложности, переживаемые наукой, создают попутные проблемы, в том числе снижают качество журналистского сопровождения экономических процессов в СМИ, препятствуют росту экономической грамотности общества.

Постановка проблемы

Отсутствие теоретического и методологического единства в экономической науке, ее сложнейшая типологическая структура, практическая невозможность репрезентации ее существенных достижений в СМИ при очевидной необходимости формирования экономической грамотности массовой аудитории – проблема междисциплинарного характера, требующая внимательного анализа как учеными-экономистами, так и исследователями массовых коммуникаций. Прохождение информации по пути «экономическая наука – журналистика – общество» осложнено сегодня отсутствием единого языка общения, единого понятийно-категориального аппарата; взаимоприемлемой системы критериев; согласованных методик репрезентации; экспертов, умеющих доступно объяснять журналистам и массовой аудитории суть и практическую значимость научных достижений. Ситуация усугубляется слабой экономической и методологической подготовкой журналистов. Результатом этого является нарастающее общественное раздражение экономической политикой государства на фоне экономической неграмотности населения. Выход из ситуации видится в восстановлении диалога экономической науки и общества при активном и квалифицированном участии журналистики.

Методология

Исследование проводилось методом анализа большого количества научных публикаций, материалов конференций, публичных дискуссий, социологических исследований, посвященных современному состоянию экономической науки, ее типологии, выявле-

нию ее предметного поля – «твердого ядра», мейнстрима и гетеродоксии. Особое внимание было уделено прояснению господствующих тенденций в развитиии экономики, вошедших сегодня в системное противоречие с задачами репрезентации ее научных результатов массовой аудиторией. Важной методологической составляющей стали результаты многолетнего общения со студентами факультета журналистики МГУ, избравшими своей профессиональной специализацией экономику.

Типологические характеристики экономической теории и ее стандарт строгости

Типология экономической теории XXI в.[1] детерминирована совокупностью школ, направлений, концепций и моделей, которые можно сгуппировать в:

- **неоклассическое направление** экономической теории – теория неоклассического синтеза; модель общего экономического равновесия Эрроу-Дебрё; теорема невозможности К. Дж. Эрроу; теория соотношения факторов производства (теория Хекшера-Олина); концепция дуалистической экономики с избытком рабочей силы (модель В. А. Льюиса); теория промышленной организации;
- **неокейнсианское направление** экономической теории – теория экономического роста (теория Д. Робинсон); теория неравномерных толчков (теория Р. Фриша); теория спроса; теория жизненного цикла (теория Херси и Бланшара); метод издержки-выпуск (модель В. Леонтьева); теория оптимального распределения ресурсов (теория Л. Канторовича); общеравновесная модель торговли (модель Дж.-Э. Мида); теория инвестиций q (коэффициент Тобина q); модель ЛИНК (модель Л. Р. Клейна); модель рынков с асимметричной информацией (теории Дж. Ейкерлофа, М. Спенса, Дж. Ю. Стиглица);
- **неоинституциональное направление** экономической теории – шведская (стокгольмская) школа макроэкономики; новая институциональная экономическая теория (НИЭТ); базовая теория экономической политики; теория общественного выбора; теория человеческого капитала; теория оптимальных валютных зон; современная теория портфельных инвестиций; теория стоимости капитала Модильяни-Миллера; теория фирмы;

- **неолиберальное направление** экономической теории – концепция спонтанного характера рыночного порядка; концепция ордолиберализма; концепция «третьего пути»; концепция welfare state; концепция «социального рыночного хозяйства»; теория экономики рынков; монетарная концепция; теория рациональных ожиданий; концепция непоследовательности политики во времени;
- **поведенческую экономику** – поведенческая экономическая теория; теория перспектив; экономика благосостояния (социально-экономический аспект обеспеченности продовольствием);
- **новые теории международной торговли** и экономическую географию;
- **интегральное направление** на стыке социальных и естественных наук – эволюционная экономика; экологическая экономика; биоэкономика; эконофизика.

Современные требования к качеству экономической теории (стандарт строгости теории) породили новые подходы при проведении прикладного анализа, к которым с известными оговорками можно отнести: клиометрию (новую экономическую историю); систему национальных счетов; равновесие Нэша и теорию игр; методы анализа экономических временных рядов; распределение Ховельмо; модель жизненного цикла получения доходов; анализ обучения и потребления; анализ дискретного выбора; сбор информации в условиях экспериментальной экономики; анализ рынков с поисковыми издержками.

Структура экономической науки находится в подвижном состоянии и является отражением многообразной и противоречивой экономической системы, сложившейся в мире. Вбирая в себя все новые и новые школы и направления, типологическая палитра не дает даже намека на то, что процесс ее формирования когда-нибудь закончится и у нас появится возможность увидеть некую системно завершенную структуру универсальной экономической теории. При этом один элемент экономической теории все же остается статичным на протяжении многих лет – ее предмет.

Статичность предмета экономической теории

Вопросы, которые возникают после знакомства с приведенным выше обзором, очевидны: как журналисту, специализирующемуся на вопросах экономической политики в условиях динамичной ре-

дакционной жизни, уследить за происходящим в мире экономической науки? Как, каким образом, с помощью каких методик, приемов ему держать «руку на пульсе», как на практике научиться разбираться в предлагаемых хитросплетениях теорий и концептов? Как донести до аудитории СМИ смысл происходящего в экономической теории и в экономической политике государства, не упустив значимых моментов? Не оказалась ли экономическая наука в «башне из слоновой кости», из которой в принципе нет выхода на массовую аудиторию?

Ответ на них будет такой: на наш взгляд, сложность работы с результатами экономической теории во многом преувеличена. Главное открытие, которое ждет нас при детальном исследовании вопроса, – утверждение исследователей, историков экономической мысли о том, что период, начавшийся с конца XIX в. и продолжающийся до сих пор, является целостной стадией развития экономической теории, несмотря на ее кажущуюся мозаичность, многовекторность. Вот уже почти полторы сотни лет, невзирая на появление бесконечного количества новых школ и направлений, на бурное развитие способов получения и оформления результатов, предмет официальной признанной в мире экономической науки (мейнстрима) статичен – **рациональное поведение человека/систем в условиях ограниченности ресурсов.**

Начало указанной стадии развития экономической теории было положено маржиналистской революцией, произошедшей в семидесятые годы XIX в. Маржиналисты и оформили в научном и общественном сознании то понимание предмета и метода экономической науки, а также природы экономического мира и экономического человека, которое является господствующим до сих пор.

Уточним сказанное, напомнив основные стадии развития экономической теории, ее генезис: сначала – часть этики (от библейских апостолов, древнегреческих философов и до средневековых богословов); затем – наука о материальном богатстве (меркантилисты, физиократы, Адам Смит и его последователи – XVIII–XIX вв.); и, наконец, – наука о рациональном поведении в условиях ограниченности ресурсов (маржиналисты – последняя треть XIX в. и по наши дни).

Всех, кто выходит за рамки ортодоксальных маржиналистских трактовок предмета, в том числе романтиков, утопистов, немецкую историческую школу и т.п., принято сегодня относить к «ере-

тическим» направлениям экономической мысли, к своего рода «гетеродоксии», поскольку они отклонились от «магистрального пути» развития экономической теории, вышли за рамки чисто «материалистических» аспектов хозяйства.

Маржиналистская революция, ее авторы, этапы и ключевые концепции широко известны. Инициированная У. С. Джевонсом, К. Менгером и Л. Вальрасом, она была продолжена А. Маршаллом, В. Парето и другими экономистами, которым удалось мастерски синтезировать в неоклассике идеи предельных величин с идеями классической политической экономии, что и привело к возможности анализировать и наглядно демонстрировать результаты оптимизации различных процессов в условиях ограниченности ресурсов.

И если предтечи и представители «классики» еще думали о том, как **заработать и приумножить** национальное богатство, то маржиналисты – исключительно о том, как оптимизировать экономическую систему, чтобы богатство в ней **зарабатывалось и приумножалось**. Лингвистический нюанс, почти неуловимая смена модальности значит в истории человечества очень многое – так в результате маржиналистской революции и были смещены акценты экономической науки, а значит – чуть по-другому зазвучал ее предмет: экономическая теория из науки о богатстве превратилась в науку о рациональном поведении человека в хозяйственной сфере, то есть там, где может быть создано богатство, а затем и за пределами этой сферы.

Логическим результатом выхода маржинализма за границы хозяйственного мира стал экономический империализм, возникший в середине XX в. – экономическая наука окончательно проникла в исследование внехозяйственных сфер общественной жизни: появились экономические теории преступления и наказания (Becker, 1968; Беккер, 2000; Ehrlich, 1987), заключения браков, рождения детей (Becker , 1960), самоубийств (Морев, Любов, 2011), церкви (Berger, 1967; Бергер, 2002), изучения языков (Casey, Dustmann, 2008; Марусенко, 2013).

Судя по всему, именно появление экономического империализма во многом и запутало журналистику, сломало ей картину мира, создало иллюзию бурного развития экономической теории и трансформации ее предметного поля. На самом же деле ничего радикального и инновационного с точки зрения теории не произошло: все вновь появившиеся подходы и школы, хоть как-то вли-

яющие на экономическую политику подавляющего количества государств, по-прежнему опираются на маржиналистскую трактовку человека как субъекта, осуществляющего рациональный выбор в разных жизненных ситуациях. Человека, решающего когда, как и с кем заключать брак; сколько рожать детей и рожать ли их вообще; строить ли карьеру в корпорации или выбрать судьбу дауншифтера; общаться ли с людьми или вести жизнь одиночки.

Экономическая рациональность, связанная с материальной сферой хозяйства, нацеленная на **оптимизацию**, а не на реальное, активное создание богатства – вот что на сотни лет после маржиналистской революции объединило экономистов мейнстрима, часто относящихся формально к разным школам. Именно она, маржиналистская революция, привела к отказу от «материалистической» трактовки предмета экономической науки в пользу «формальной». Как один из результатов: из поля зрения исследователей выпала значительная часть хозяйственной жизни, многие виды хозяйственной деятельности, подчиненные не рациональному выбору, а традициям, нормам и обычаям. Так, собственно, и оформился мейнстрим экономической науки, тщательно оберегаемый сегодня экономико-теоретическим истеблишментом, формирующим современную, в том числе, медийную социально-экономическую и политическую картину мира.

Понимание того, что многие и многие тысячи исследователей работают исключительно в рамках одного подхода, радикально упрощает работу журналиста, пытающегося «продраться» сквозь дебри различных теорий, концепций и школ. Ведь в фарватере мейнстрима трудятся, в том числе, и формально конкурирующие направления: например, все ветви неоклассической теории, многие неолибералы, школа новых классиков; здесь же – остро критикующее их неокейнсианство, неоинституционализм и новый институционализм. Представители всех этих ветвей и школ экономической мысли трактуют поведение людей как оптимизирующее, а во всех моделях мейнстрима экономические функции являются результирующими оптимизирующего выбора отдельных субъектов.

Понимание этого – и есть та путеводная звезда, нить Ариадны, которая может провести современного журналиста сквозь дебри экономической теории. Экономическому журналисту, столкнувшемуся с той или иной новой школой, нужно для начала понять – она, новая школа, планирует работать в фарватере мейнстрима,

или это заявка иного свойства. А уже после этого принимать журналистские и редакционные решения.

Мейнстрим как монополия

Нельзя считать, что более чем столетнее господство неоклассических подходов в политэкономическом пространстве сложилось случайно. Оно было обеспечено и обеспечивается поныне мощным научным лобби, которое, в свою очередь, опирается на политическую поддержку элит, использующих в своей работе концепты мейнстрима. Этот союз проверен временем, скреплен многими историями впечатляющих успехов, связанных с преодолением социально-экономических, политических и военных кризисов. Так или иначе, экономическая политика, построенная с опорой на оптимизирующее поведение субъектов, помогла предолеть не только Великую депрессию и послевоенную разруху в Европе, но и создать современные процветающие США. Совершенно естественным на этом фоне выглядит то, что представители мейнстрима активно защищают свое пространство и статус, в том числе, абсорбируя продуктивные концепты некоторых гетеродоксальных школ и экономических течений.

Как, каким способом монополия на состав мейнстрима реализуется на практике можно прояснить при помощи обычного статистического анализа работ, публикуемых ведущими мировыми экономическими журналами – American Economic Review, Quarterly Journal of Economics, Review of Economic Studies, Journal of Political Economy и Econometrica. Основная масса публикаций здесь абсолютно соответствует заявленному формату – неоклассической парадигме, включающей в себя три составляющие «твердого ядра» мейнстрима: индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта, то есть модель «человека экономического». При этом уже в рамках мейнстрима предпочтение отдается тем работам, где результат описывается в терминах математического моделирования.

Широко известен в этом смысле пример, приводимый методологом экономической науки Л. Боулэндом, – он провел специальное исследование «форматности» (наличие предпосылок максимизации и равновесия, использования эконометрических критериев «правдоподобности» и т. д.) статей, публиковавшихся в 1980 г. в American Economic Review. «Все работы, – пишет Боулэнд, – соот-

ветствуют формату, определенному нашей моделью позитивного неоклассического анализа. ...я не нашел ни единого факта, противоречащего моей теории» (Боулэнд, 2002: 120; Boland, 1982).

Еще один пример из области борьбы за соответствие формату – теория потребления Дж. Дьюзенберри, которая характеризовалась реалистичностью предпосылок и подтверждалась эмпирически. Она была отвергнута научным истеблишментом только из-за того, что ее выводы не базировались на понятиях экономической рациональности и равновесия. Как отмечает Дж. Ходжсон, «эта модель совокупного поведения потребителя успешно прошла несколько эконометрических проверок». Тем не менее она «не получила признания не потому, что не прошла статистической проверки, а потому, что она не основывалась на мейнстримовской идее рационального, максимизирующего полезность потребителя» (Ходжсон, 2003: 24; Розмаинский, 2007: 29).

Многие популярные экономические теории, появившиеся в XX в., так или иначе мигрировали в сторону мейнстрима, вошли в его берега, даже если вначале это и не планировалось их авторами. Чрезвычайно показательна в этом смысле эволюция макроэкономики Кейнса, в которой основные функции – потребления, инвестиций и предпочтения ликвидности – не были основаны на принципе оптимизации[2], кейнсианская макроэкономика в момент возникновения, что очень похоже на сэра Дж. М. Кейнса, демонстративно не соответствовала мейнстриму. Последующее развитие макроэкономики, в том числе и кейнсианской теории, характеризовалось внедрением в нее макроэкономических функций, основанных на оптимизаци (Розмаинский; 2001: 133–138). Доведению кейнсианской макроэкономики до необходимого формата весьма поспособствовали модель трансакционного спроса (У. Баумоль и Дж. Тобин), теория портфельного выбора (Дж. Тобин), концепция жизненного цикла (Ф. Модильяни), гипотеза перманентного дохода (М. Фридмен). В итоге, «та интерпретация, которой подверглась работа Кейнса, сделала его модель, по существу, очень сходной с неоклассической теорией цены (микроэкономикой) и неоклассической количественной теорией» (Харрис, 1990: 402, 435). Эти же тенденции укрепились в семидесятые годы XX в. с появлением новой классической макроэкономики, неокейнсианства, нового институционализма. В свете сказанного, имеющее широкое хождение утверждение о том, что теория Кейнса пришла на смену неоклассической трактовке экономики, уже не кажется аксиоматичным.

В доказательство приведем таблицу[3] эволюции кейнсианства, дающую представление, в том числе, о его современном присутствии в мейнстриме.

Таблица

Развитие идей кейнсианства в XX–XXI вв.

Хронологические рамки этапа	**Предметное поле**	**Представители**
30–40-е гг. XX в.	Возникновение теории Кейнса (ортодоксальное кейнсианство)	Дж. М. Кейнс
30–70 гг. XX в.	Левое кейнсианство (неорикардианцы): идея обновления учения Кейнса с учетом идей К. Маркса и Д. Рикардо, антимонопольная направленность, критика неравенства в распределении национального дохода и увеличении покупательной способности населения, развитие идей государственного регулирования экономики, критика неокейнсианства	Джоан В. Робинсон Николас Калдор Пьеро Сраффа Франко Модильяни
40–70 гг. XX в.	Американское (монетарное) кейнсианство: критика неокейнсианства как «хиксианства» – считали его упрощенной и искаженной трактовкой кейнсианства, предлагали восстановить истинный смысл теории Кейнса, стали впоследствии с представителями левого кейнсианства основателями школы посткейнсианства	Клауэр Уэйн Пол Дэвидсон Аксель Лейонхуфвуд Сидней Вайнтрауб Хайман Мински
50–70-е гг. XX в.	Формирование и развитие неокейнсианства: теория и практика государственного регулирования рыночной экономики	Элвин Хансен Джон Хикс Рой Харрод Евсей Домар Албан Филлипс
40-е гг. XX в. – по наст. время	Формирование и развитие кейнсианско-неоклассического синтеза: попытка примирения «классики» и кейнсианства на основе синтетической теории относится к мейнстриму современной экономической теории	Пол Самуэльсон Джон Хикс

Окончание таблицы

30–70-е гг. XX в. – по наст. время	Возникновение посткейнсианства на базе слияния идей левого кейнсианства и американского (монетарного) кейнсианства: критика неоклассики, признание неорикардианства, расширение поля экономического анализа за счет введения в него социально-экономических институтов, продвижение идей дальнейшего совершенствования механизмов регулирования экономики, контроль инфляции, справедливое распределение национального дохода, разработка теорий экономического роста	Михал Калецкий, а также представители левого и монетарного кейнсианства
80-е гг. XX в. – по наст. время	Возникновение нового кейнсианства, чрезвычайно влиятельного направления в современной экономической науке: микроэкономический анализ, теория соотношения зарплаты и цен и связанные с этим концепции долгосрочных контрактов по заработной плате; несовершенства кредитных рынков; издержек меню; «инсайдеров – аутсайдеров»; эффективной заработной платы; гистерезиса и модели неблагоприятного отбора; уклонения. Выступают за активное вмешательство государства в дела экономики.	Грегори Мэнкью Лоуренс Саммерс Оливье Бланшар Стенли Фишер Брюс Гринвальд Эдмунд Фелпс Джордж Акерлоф Джанет Йеллен Дэвид Ромер Джозеф Стиглиц Роберт Холл Стивен Дж. Тейлор и многие другие
80-е гг. XX в. – по наст.время	Эволюция кейнсианства: дифференциация школ, направлений, дальнейший отход посткейнсианства и нового кейнсианства от ортодоксального кейнсианста.	

Как итог: по общему, устоявшемуся в научных кругах мнению (Боулэнд, 2002: 120; Boland, 1982; Ходжсон, 2003), современный экономист, его школа, могут рассчитывать на успех, публичное признание, на гранты, престижные премии только в одном случае – если они исповедуют принципы мейнстрима. СМИ вольно или невольно, опираясь на мнение экспертов (читай – представителей мейнстрима), поддерживают много лет эту традицию, способствуя снижению уровня реальной конкуренции в развитии экономической теории. Никто, конечно, напрямую не запрещает современным экономистам придумывать какие угодно гипотезы, но, в по-

давляющем большинстве случаев, это навсегда останется только их личным делом, результаты которого вряд ли заинтересуют ведущие мировые экономические журналы, престижные научные фонды, ведущие мировые университеты, если новые гипотезы и модели хоть как-то не будут «увязаны» с концепциями, предполагающими оптимизацию и равновесие.

При этом журналисту важно понимать, что несмотря на сверхустойчивое положение маржинализма как основы мейнстрима, как любая монополия, он рискует потерять свои позиции, если не предпримет попыток обновления, изучив и абсорбировав наиболее продуктивные идеи противников.

Сближение мейнстрима и гетеродоксии

Понятием «гетеродоксия» в экономической теории объединены те экономисты, школы, направления, которые в свое время не захотели, не сочли нужным «вписываться» в колею маржиналистской революции, адаптировать к ней свои нормы и ценности. К сформировавшимся за столетия и к возникшим не так давно «еретикам» можно отнести немецкую историческую школу, марксизм, ордолиберализм, австрийскую школу экономики, американский (старый) институционализм, неоинституционализм, эволюционную теорию, экономику соглашений (экономический постмодернизм), посткейнсианство, теорию экономических порядков, теорию регуляции, социальную экономику, критическую политэкономию, экологическую экономику, биоэкономику, поведенческую экономику, эконофизику (Скоробогатов, 2006; Розмаинский, Холодилин, 2000).

Как видим, список направлений впечатляющий и далеко не полный: гетеродоксию, так же как и ортодоксию можно и нужно идентифицировать не только простым перечислением школ, но и выявлением составляющих ее «твердого ядра»[4]. К таким составляющим можно отнести холизм, детерминизм, ограниченную рациональность, формирующие модель человека несовершенного, включенного в эволюционно-исторический процесс и в культурно-религиозный контекст нации, движущегося вместе с ней по институциональной колее.

«Твердое ядро» гетеродоксии детерминировано во многом «исторической» парадигмой, что, наверное, естественно. Опираясь на историзм выстраивал свою программу первый критик мейнстрима Торстейн Бунде Веблен. «Американский Маркс», как

называли его современники, навсегда вошел в историю экономической мысли своим изящным описанием «гедонистической концепции человека». В ней человек уподобляется «быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания», бесконечно рассчитывающей «ощущения удовольствия и боли», колеблющейся как «гомогенный сгусток желаний счастья под импульсом стимулов, которые заставляют его перемещаться, но сохраняют его целостность» (Веблен, 2006: 107).

Именно пониманием несовершенства человека, признанием значимости институтов, следованием концепту о том, что общество – это нечто большее, чем сумма человеческих единиц (холизм), объединены школы гетеродоксии, которые признают неопределенность будущего и пытаются исследовать неоптимизирующее поведение людей в нестабильных экономических системах настоящего.

Гетеродоксия в массе своей не отрицает вербального моделирования, что делает ее тексты для журналистов более понятными по сравнению с текстами мейнстрима, опирающегося на язык математики. Немаловажно для журналистов и понимание того, что «еретики», в условиях необратимости прошлого и непредсказуемости будущего, трактуют природу мира и человека более реалистично, чем представители мейнстрима.

Но является ли гетеродоксия универсальным подходом, основой для формулирования внятных ответов на экономические вызовы современного мира? Достаточно ли сил у нее для того, чтобы выстроить экономическую теорию и, как следствие, экономическую систему, в которой все элементы, начиная с человека и домохозяйства и заканчивая глобальным уровнем, находятся в гармоничном взаимодействии?

При всех симпатиях к гетеродоксии, все же скорее нет, чем да. «Еретикам» мешает, как справедливо замечает А. Либман (2007), прежде всего, ярко выраженная «ловушка фрагментации», возникающая из-за постоянного внедрения «принципиально новых» теоретических подходов, ни один из которых не получает должного развития ни в мире экономической науки, ни в социальном пространстве. Научное сообщество гетеродоксов успешно «генерирует идеи», но не способно обеспечить их отбор, практическое распространение среди потенциальных сторонников.

И мейнстрим, и гетеродоксия находятся сегодня в неоптимальном состоянии. И это состояние «неоптимальности», которое

многие ученые трактуют как свидетельство острого кризиса экономической теории (Полтерович, 1998), и есть основа сближения двух конкурирующих трендов, путь к взаимному обогащению.

Главный недостаток мейнстрима в том, что он сформировал методологию, не подразумевающую ничего, кроме наблюдения за экономическими процессами, кроме сбора эмпирических данных и изобретения моделей описания этих данных в надежде выявления какой-либо устойчивой закономерности, а еще лучше – универсального закона типа закона всемирного тяготения. Рекомендации, прогнозы, которые дает такая наука, построенные по принципу – было непросто, не исключено, что станет еще сложнее – категорически не устраивают ни журналистику, ни, в конечном итоге, общество.

Мейнстрим не подразумевает созидательного подхода, нацеленности на реальное решение конкретных социально-экономических задач, на открытое обсуждение ясным языком существующих проблем. Мало кто из современных экономических «светил» в состоянии взять на себя публичную ответственность за сегодняшний и завтрашний день миллионов сограждан. Сосредоточившись на сборе эмпирических данных и на их интеллектуализированной и математизированной переработке, на создании математических моделей, объясняющих прошлое, мейнстрим пока не находит времени на формулирование собственного «твердого ядра», детерминированного вызовами XXI в.

В ближайшее время, скорее всего, можно будет наблюдать целый ряд изменений в этой области. Не исключено, что наиболее интересные концепты «еретиков» будут модифицированы под цели и задачи мейнстрима, станут его питательной средой, основой выживания в новом веке. По большому счету этот процесс уже начался: мейнстриму, в частности, пришлось официально признать, что привычки, правила и социальные нормы играют важнейшую роль как в поведении отдельных хозяйствующих субъектов, так и в функционировании экономики в целом (Dequech, 2002; Dopfer, 2004; Parra, 2005; Hodgson, 2007). Институты теперь трактуются мейнстримом как необходимые предпосылки для рационального поведения агентов, постепенно приходит осознание того, что привычки и правила «предшествуют» рациональности, рациональность и сама начинает восприниматься как институт (Розмаинский, 2007; 2001). Постепенно налаживается диалог мейнстрима со школами, интегрирующими социальные и естественные науки: его частью уже стали психологические модели поведения. Все это позволяет

говорить о начавшемся замещении мейнстрима неоклассики более гибким и эклектичным набором идей.

Новое конституирование «твердого ядра» экономической теории

Процесс начавшегося сближения мейнстрима и гетеродоксии неизбежно ведет к уточнению составляющих «твердого ядра» экономической науки. На наш взгляд, проблемы современного общества готовят конституирование мейнстрима «человеком созидающим», мы стоим на пороге введения его в «твердое ядро» экономической теории вместо маржиналистского «человека созерцающего, рационализирующего». Смена парадигмы с созерцательной на парадигму динамическую неизбежно должна проявиться в мейнстриме XXI в. хотя бы для того, чтобы подобрать ключи к реализации ряда продуктивных концептов, идей, создающих основу для решения многих и многих проблем, накопленных человечеством.

К таким концептам, набирающим популярность, относится, например, чеканная формула Людвига Эрхарда – «благосостояние для всех». У формулы есть множество вариаций, национальных трактовок, описаний, но это не меняет ее сути. Идея благосостояния для всех – для всех стран, для всех сообществ, для всех людей – заслуженно претендует на то, чтобы стать главной целью экономической науки XXI в. И, соответственно, главной идеей для популяризации ее в массмедиа, базой для организации массового экономического просвещения населения.

Как бы идеалистически не выглядела формулировка Эрхарда, цивилизованной альтернативы, похоже, ей нет. Очередным подтверждением сказанному стала книга французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» (2015), ставшая настоящей мировой сенсацией, благодаря выявленному противоречию современного капиталистического общества: $r > q$ (рента больше дохода). Выведя эту формулу и верно уловив существующую проблему, Пикетти, тем не менее, ничего не говорит о том, как добиться ситуации, в которой объем производства реального продукта превысит объем ренты на капитал. Его рецепты – рецепты оптимизации сложившегося положения дел через введение дополнительных налогов на богатых, на капиталы. Перед нами опять рекомендация по выбору оптимизирующей линии поведения, но уже в глобальном пространстве. И это уже не может устраивать общественное

мнение, которое не желает в XXI в. вновь возвращаться к идеям экспроприации, как бы элегантно они не подавались.

Анализ существующей экономической литературы, экспертных заключений, соответствующей аналитики свидетельствует: в обществе постепенно возникает понимание того, что национальное богатство создается созидательным трудом многих, а не перераспределением от немногих ко многим. Именно поэтому можно с известной долей уверенности предположить, что рано или поздно в состав «твердого ядра» экономической теории XXI в. войдет «человек созидающий». На фоне этой уверенности постепенно проступают и организационные контуры экономической науки нового века, по крайней мере российской.

Взаимодействие фундаментального и прикладного компонентов в науке

Определившись с характером дальнейшей тарнсформации структуры мейнстрима экономической теории, с основными составляющими ее будущего «твердого ядра», журналист не может не задаться вопросом – а как это будет работать на практике?

Очевидно, что конституированием «человека созидающего» в экономической теории создаются предпосылки для активного восстановления статуса и структуры науки отраслевой. То есть, существующую сегодня фундаментальную, академическую компоненту национальной науки необходимо серьезно дополнять наукой прикладной, ориентированной на практику, восстанавливать некогда утраченную систему отраслевой науки. И на этом пути журналистика, создав повестку популяризации восстановления отраслевой науки, получит немалое количество союзников и почитателей.

Организационно иерархия прикладного крыла науки может выглядеть так: во главе – профильное министерство; затем – базовый отраслевой институт; исследовательские команды, размещенные, в том числе, в вузах и академических институтах; группы советников-практиков, не имеющих академических степеней. Похожую (без компоненты министерства) структуру организации науки еще два десятка лет назад предлагал академик В. М. Полтерович, полагая, что базовый (отраслевой) институт создаст исследовательскую среду, включая базы данных, системы опросов экономических агентов, системы обработки информации, другие

средства экономического исследования. При этом В. М. Полтерович полагал, что внедрение научных результатов будет идти по линии взаимодействия советников при министерствах и исследователей. Время показало, что без жестко выстроенной иерархии, связанной с выявлением проблем экономики, с формулированием целей, с постановкой задач, с исполнительским контролем, никакая организационная структура не эффективна. Делать главным в этой иерархии научное учреждение – значит сознательно соглашаться на неоптимальное развитие событий. Еще Эйнштейн говорил: «Наука... не способна создавать цели. Еще менее – воспитывать их в человеке. В лучшем случае наука может предоставить средства к достижению определенных целей. Но сами цели порождаются людьми с высокими этическими идеалами»[5].

Цель для экономической теории нового века, по мнению многих экспертов, сформулирована, еще раз напомним об этом, Людвигом Эрхардом – немецким ученым и чиновником, у которого с идеалами было все в порядке – «благосостояние для всех».

Предлагаемая организация практического крыла экономической науки во многом снимает проблему передаточного механизма, согласованно работающего в связке: общество – государство – наука. При этом она не отменяет своим возникновением науки академической. По сути, речь идет о своеобразной дуополии в организации науки, когда ее теоретическое (фундаментальное) и практическое (отраслевое) направления должны сосуществовать достаточно автономно. При этом отраслевая наука должна и, скорее всего, будет опираться в своей деятельности на результаты исследований фундаментальных, выявляя в них все, что поможет решить ту или иную конкретную социально значимую проблему. Фундаментальным направлением страна также будет присутствовать в мировом пространстве экономической теории, подпитываясь оттуда новыми идеями и теориями.

Выводы

1. Сфера экономической теории, оказывающая определяющее влияние на формирование государственной экономической политики, по целому ряду причин является сегодня областью, сложной для журналистского восприятия, что, в итоге, мешает популяризации достижений экономической науки, снижает уровень экономической грамотности населения страны. Указанная сложность воз-

никла во многом искусственно, в том числе, из-за слабой профессиональной экономической подготовки студентов факультетов журналистики, не получающих в рамках обучения достаточного представления о реальном положении дел в экономической теории.

2. Искусственный характер сложности восприятия экономической теории станет понятен, если знать, что на протяжении более чем ста лет в ней и, соответственно, в экономической политике многих государств, госоподствует всего лишь один концепт, основанный на идеях маржинализма и опирающийся на оптимизирующее поведение экономических субъектов. То есть мейнстрим экономической теории опирается исключительно на индивидуализм, эгоизм и рационализм поведения экономического субъекта.

3. Понимание того факта, что многие и многие тысячи исследователей, в том числе, формально конкурирующие друг с другом, сотни лет работают исключительно в рамках одного подхода, несколько упрощает работу журналиста, исследующего экономические процессы.

4. На современном этапе развития экономической теории монополия мейнстрима породила кризис не только в сфере экономического просвещения населения, но и в самой экономической теории.

5. В процессе преодоления кризиса наметились тенденции, способствующие более гибкому развитию экономической теории, в том числе, включению в мейнстрим некоторых продуктивных идей, относившихся ранее к сфере гетеродоксии.

6. Исходя из реального положения дел в экономической науке, российская журналистика имеет сегодня уникальный исторический шанс участия в процессе трансформации предмета экономической теории, уточнения ее «твердого ядра», строительства ее продуктивной организационной структуры. Являясь проводником общественных интересов, журналистика получает возможность реального влияния на содержание и характер экономической политики государства, способствуя возвращению в сферу национального дискурса ясных и понятных экономических критериев, концепций, теорий, пока отвергаемых мейнстримом. Речь, в том числе, – о новом прочтении меркантилизма, ордолиберализма, социализма, об их синтезе на основе здравого смысла для решения задач нового века и медиатизированного общества.

7. Реализации указанного шанса способствует и возникновение в социальном пространстве «человека медийного» (Вартанова,

2015), а также постепенно проявляющаяся в обществе культура медийного измерения результатов работы экономики, нацеленная исключительно на социальную прагматику, на выгодные для общества решения, связанные с экономической политикой государства.

8. Для решения этих и других задач необходима реализация целого комплекса мер, укрепляющих и развивающих институт национальной журналистики. Среди этих мер – дальнейшее уточнение экономическими предметами программ обучения на факультетах журналистики России, формирующими необходимые компетенции и прикладные навыки в области анализа социально-экономических процессов.

9. Журналистика, заняв активную позицию, в конечном итоге может существенно повлиять на формирование теоретического и методологического единства в экономической науке, на возникновение универсальной системы критериев и оценок ее работы обществом, на создание национальной платформы массового экономического просвещения населения.

Примечания

[1] Дается с использованием работы М. М. Хайкина (2013).

[2] Эти функции, по справедливому замечанию И. В. Розмаинского, базировались, главным образом, на привычках и эмоциях (Розмаинский, 2007: 28–31; 2001: 133–138).

[3] Дается по: Иваницкий В. Л. История экономический учений (2016).

[4] Академик Львов Д.С. описывает в своем докладе «Экономическая наука в новой России», сделанном на расширенном заседании отделения экономики РАН такой случай: «На одном из заседаний Президиума РАН, академик Велихов задал вопрос – а есть ли у отечественной экономической науки какое-то ядро, как, скажем, у физиков или генетиков? Увы, вопрос так и остался висеть в воздухе...».

[5] Эйнштейн А. Почему социализм? // За науку. Газета МФТИ. № 33 (1656) – 06.11.2003

Библиография

Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001.

Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 28–90.

Бергер П. Священный покров: элементы социологической теории религии. СПб, 2002.

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.

Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО / Рук. В. А. Мартынов. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

Боулэнд Л. Современные взгляды на экономический позитивизм // Гриноэй Д., Блини М., Стюарт И. Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб, 2002.

Вартанова Е. Л. «Человек медийный» как результат социального развития?// Меди@льманах. 2015. № 5.

Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Том 4. № 2.

Иваницкий В. Л. История экономических учений. М., 2016.

Калабихина И. Е. Некоторые аспекты теоретического анализа домохозяйства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5. С. 28–41.

Либман А. М. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3.

Марусенко М. А. Внутренний языковой империализм США: от «плавильного котла» к «салатнице» // США. Канада. Экономика – политика – культура. 2013. № 10. С. 35–48.

Морев М. В., Любов Е. Б Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 6(18). С. 119–130.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015.

Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1.

Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS, 1993. Т. 1. Вып. 1.

Розмаинский И. В. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. 2007. № 4.

Розмаинский И. В. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX – начала XXI века // Вопросы экономики. 2008. № 7.

Розмаинский И. В. Ограниченность методологического индивидуализма, общественная идеология и динамика инвестиций в России // Вестник СПбГУ. 2001. Вып. 1. № 5. С. 133–138.

Розмаинский И. В., Холодилин К. А. История экономического анализа на Западе: Текст лекций. СПб, 2000.

Скоробогатов А. С. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб, 2006.

Хайкин М. М. Эволюция экономической теории как науки: вызовы времени // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. № 6–1(185).

Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс, 1990.

Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 4.

Худокормов А. Г. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // Вопросы экономики. 2008. № 6.

Becker G. S. (1968) Crime and punishment: an economic approach. *Journal of Political Economy* 76(2): 169–217.

Berger P. (1967) *The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion*. Garden City, N.Y.

Blaug M. (1997) Ugly Currents in Modern Economics. *Options Politiques* 18(17).

Boland L.(1982) *The Foundations of Economic Method*. L.: Allen & Unwin.

Casey T., Dustmann C. (2008) Intergenerational transmission of language capital and economic outcomes. *Journal of Human Resources* 43(3): 660—687.

Dequech D. (2002) The Demarcation Between the «Old» and the «New» Institutional Economics: Recent Complications. *Journal of Economic Issues*. 36(2): 565–572.

Dopfer K. (2004) The Economic Agent as Rule Maker and Rule User: Homo Sapiens Oeconomicus. *Journal of Evolutionary Economics*. 14(2): 177–195.

Ehrlich I. (1987) Crime and punishment. In J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.) *The New Palgrave. A Dictionary of Economics*. Vol. 1. P. 721–724.

Hodgson G. (2007) Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? *Evolutionary and Institutional Economics Review* 4(1): 7–25.

Parra C. M. (2005) Rules and Knowledge. *Evolutionary and Institutional Economics Review*. 2(1): 81–111.

Notes

Einstein A. Pochemu sotsializm? [Why Socialism?]. *Za nauku. Gazeta MFTI* 33(1656).

References

Baumol W. (2001) Chego ne znal Al'fred Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu [What Alfred Marshall didn't Know: The Contribution of the XX Century to the Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki*.

Becker G. S. (1968) Crime and punishment: an economic approach. *Journal of Political Economy* 76(2): 169–217.

Becker G. (2000) Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskiy podkhod [Crime and Punishment: An Economic Approach]. *Istoki. Vol. 4.* Moscow: GU-VShE Publ. Pp. 28–90.

Berger P. (2002) *Svyashchennyy pokrov: elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [Sacred Cover: The Elements of Sociological Theory of Religion]. St. Peterburg.

Berger P. (1967) *The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion*. Garden City, N.Y.

Blaug M. (2004) *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayut* [Economic Methodology, or How Economists Explain]. Moscow.

Blaug M. (2002) Trevozhnye protsessy v sovremennoy ekonomicheskoy teorii [Disturbing Processes in Modern Economic Theory]. In *K voprosu o tak nazyvaemom «krizise» ekonomicheskoy nauki: materialy teoreticheskogo seminara IMEMO* [On So-called «Crisis» of Economics: IMEMO's Theoretical Seminar Materials IMEMO]. Moscow: IMEMO RAN Publ.

Blaug M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospective* [Economic Thought in Retrospect]. Moscow.

Blaug M. (1997) Ugly Currents in Modern Economics. *Options Politiques* 18(17).

Boland L. (2002). Sovremennye vzglyady na ekonomicheskiy pozitivizm [Modern Views on the Economic Positivism]. In D. Greenway, M. Blini, I. Stewart (eds.) *Panorama ekonomicheskoy mysli kontsa XX stoletiya* pozitivizm [Economic Thought of the End of the XX Century]. St. Peterburg.

Boland L.(1982) *The Foundations of Economic Method*. L.: Allen & Unwin.

Casey T., Dustmann C. (2008) Intergenerational transmission of language capital and economic outcomes. *Journal of Human Resources* 43(3): 660—687.

Dequech D. (2002) The Demarcation Between the «Old» and the «New» Institutional Economics: Recent Complications. *Journal of Economic Issues*. 36(2): 565–572.

Dopfer K. (2004) The Economic Agent as Rule Maker and Rule User: Homo Sapiens Oeconomicus. *Journal of Evolutionary Economics*. 14(2): 177–195.

Ehrlich I. (1987) Crime and punishment. In J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.) *The New Palgrave. A Dictionary of Economics*. Vol. 1. P. 721–724.

Harris L. (1990) Denezhnaya teoriya [Monetary Theory]. Moscow: Progress Publ.

Hodgson G. (2007) Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? *Evolutionary and Institutional Economics Review* 4(1): 7–25.

Hodgson G. (2003) Skrytye mekhanizmy ubezhdeniya: instituty i individy v ekonomicheskoy teorii [Hidden Persuaders: Institutions and Individuals in Economic Theory]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* 1(4).

Ivanitskiy V.L. (2016) Istoriya ekonomicheskiy ucheniy [History of Economic Thought]. Moscow.

Kalabikhina I. E. (1995) Nekotorye aspekty teoreticheskogo analiza domokhozyaystva [Some Aspects of the Theoretical Analysis of Household]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* 5: 28–41.

Khaykin M. M. (2013) Evolyutsiya ekonomicheskoy teorii kak nauki: vyzovy vremeni [Evolution of Economic Theory: Challenges]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* 6–1(185).

Khudokormov A. G. (2008) Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya Zapada (obzor osnovnykh tendentsiy) [Modern Western Economic Theory (Overview of Major Trends)]. *Voprosy ekonomiki* 6.

Libman A. M. (2007) Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya: osnovnye tendentsii [Modern Economic Theory: Main Trends]. *Voprosy ekonomiki* 3.

Marusenko M. A. (2013) Vnutrenniy yazykovoy imperializm USA: ot «plavil'nogo kotla» k «salatnitse» [US Internal Linguistic Imperialism: From the «Melting Pot» to the «Salad Bowl»]. *USA. Canada. Ekonomika-politika-kul'tura* 10: 35–48.

Morev M. V., Lyubov E. B. (2011) Sotsial'no-ekonomicheskiy ushcherb vsledstvie smertnosti naseleniya ot samoubiystv [Social and Economic Losses due to Mortality from Suicide]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* 6(18): 119–130.

Piketty T. (2015) Kapital v XXI veke [Capital in the 21st Century]. Moscow: Ad Marginem.

Polterovich V. M. (1998) Krizis ekonomicheskoy teorii [The Crisis of Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* 1.

Parra C. M. (2005) Rules and Knowledge. *Evolutionary and Institutional Economics Review*. 2(1): 81–111.

Robbins L. (1993) Predmet ekonomicheskoy nauki [The Subject of Economic Science]. *THESIS* 1(1).

Rozmainskiy I. V. (2007) Metodologicheskie osnovy teorii Keynsa i ego «spor o metode» s Tinbergenom [Methodological Foundations of Keynes and his «Argument of the Method» with Tinbergen]. *Voprosy ekonomiki* 4.

Rozmainskiy I. V. (2008) O metodologicheskikh osnovaniyakh meynstrima i geterodoksii v ekonomicheskoy teorii kontsa XIX-nachala XXI veka Tinbergenom [On Methodological Basis and Mainstream Heterodoxy in the Late XIX – early XXI Century Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki* 7.

Rozmainskiy I. V. (2001) Ogranichennost' metodologicheskogo individualizma, obshchestvennaya ideologiya i dinamika investitsiy v Rossii [Limitation of Methodological Individualism, Social Ideology and Dynamics of Investments in Russia]. *Vestnik SPbGU* 1(5): 133–138.

Rozmainskiy I. V., Kholodilin K. A. (2000) *Istoriya ekonomicheskogo analiza na Zapade: Tekst lektsiy* [The History of Economic Analysis in the West]. St. Peterburg.

Skorobogatov A.S. (2006) *Institutsional'naya ekonomika. Kurs lektsiy* [Institutional Economy]. St. Peterburg.

Vartanova E. L. (2015) «Chelovek mediynyy» kak rezul'tat sotsial'nogo razvitiya? pozitivizm [«Man of Media» is a Result of Social Development?]. *Medi@l'manakh* 5.

Veblen T. (2006) Pochemu ekonomika ne yavlyaetsya evolyutsionnoy naukoy? [Why the Economy is not an Evolutionary Science?]. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* 4(2).

Поступила в редакцию
23.05.2016